

Н. С. ДЕМКОВА, Н. М. ГЕРАСИМОВА

Русская обработка сюжета о состязании мельника с царем

Бурный интерес русских читателей к новеллистике на рубеже XVII—XVIII вв. вызвал к жизни многочисленные переводы и переделки классических образцов средневековой повествовательной прозы, новые своеобразные редакции, которые на русской почве обрели самостоятельную художественную ценность. Параллельно шло обращение анонимных русских авторов к фольклорным источникам, сюжеты и тексты устной поэзии и прозы не только фиксировались в рукописях этой поры, но и служили основой для последующих литературных обработок, столь характерных для массовой демократической литературы первой половины XVIII в.¹ На стыке этих влияний и взаимодействий возникла оригинальная русская повесть, ранее не публиковавшаяся и известная нам в единственном списке 30-х гг. XVIII в. — «Повесть о царе и мельнике» (ГПБ, собр. А. А. Титова, № 2670, л. 39—39 об.).

Сюжет Повести — состязание в мудрости переодетого героя с царем — широко распространен в мировой литературе и фольклоре: ² он прослеживается от арабской версии Ибн-Абдулхакама IX в. до известного перевода С. Я. Маршака баллады о короле Джоне и кентерберийском аббате. В специальном исследовании В. Андерсона, посвященном разбору этого сюжета, приводятся сведения о 595 литературных и фольклорных вариантах, в том числе и о русских обработках сюжета.³ Публикуемая повесть —

¹ О распространении сказочных сюжетов в письменной традиции XVIII в. см.: С. В. Савченко. Русская народная сказка. История собирания и изучения. Киев, 1914, с. 64—113; В. В. Сиповский. Из истории романа и повести. Материалы по библиографии, истории и теории русского романа XVIII столетия, ч. I. СПб., 1903; В. И. Чернышев. Русские сказки в изданиях XVIII в. — В кн.: С. Ф. Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности. Л., 1934, с. 585—609; Э. В. Померанцева. Судьбы русской сказки. М., 1965, с. 32—61; И. М. Колесницкая. Русские сказочные сборники последней четверти XVIII в. — Ученые записки ЛГУ, 1939, № 33, вып. II, с. 189—218; С. Ф. Елеонский. 1) Сказки в быту и литературной традиции XVIII в. — Ученые записки МГПИ, 1954, т. XXXIV, вып. 3, с. 85—113; 2) Сказочная традиция в старинной повествовательной литературе. — Там же, 1957, т. LXVII, вып. 6, с. 47—77; В. П. Андрианова-Перетц. Фольклорные сюжеты стихотворных жарт XVIII в. — В кн.: Из истории русских литературных отношений XVIII—XX веков. М.—Л., 1959, с. 44—51; М. Н. Сперанский. Рукописные сборники XVIII в. М., 1963.

² См.: Аарне—Томпсон—Андреев, № 922.

³ W. Anderson. Kaiser und Abt. Helsinki, 1923. Первая часть издана на русском языке: В. Андерсон. Император и аббат. История одного народного анекдота, т. I. Казань, 1916. Из ранних русских обработок В. Андерсон указывает довольно далекие в сюжетном отношении тексты: «Венецианскую» редакцию «Повести о Басарге» (XVII в.) и «Повесть бывшего посольства в португальской земле. История о португальском и бранденбургском мудрецах», датируемую им XVII—началом XVIII в. (с. 389—397 русского перевода).

одна из таких обработок, Андерсоном не учтенных. Она находится в большом сборнике-конволюте XVIII в., в 4°, в составе своеобразного тематического цикла новеллистических повествований о царях, переписанных одним писцом (л. 33—39 об.); цикл включает «Слово о Вавилоне», «Повесть о царе и безумной жене», «Повесть о царе и мельнике». Филигранные на листах, содержащих цикл, определить не удалось (на л. 39—39 об. по стигбу просматриваются литеры «ЕАК (?)), но на л. 32—33, входящих в ту же рукопись, хотя они и писались другим писцом, виден вензель, который весьма близок к водяному знаку № 504, воспроизведенному в альбоме филиграней Клепикова и датируемому 1732 г.⁴ Для датировки тетрадей, содержащих указанный цикл повестей «о царях», существенной является и такая особенность рукописи: в качестве бумаги писец использовал чистые обороты листов, содержащих ведомости с указанием дат — 1719, 1720, 1721 и 1723 гг. Таким образом, тетради с циклом этих повестей и список «Повести о царе и мельнике» (в составе цикла) датируются 1730-ми гг.⁵

Русскому читателю сюжет Повести мог быть знаком из текста рукописного жарта⁶ и многочисленных вариантов фольклорной сказки, обычно носящей название «Беспечальный монастырь».⁷

Публикуемая повесть отличается и от жарта и от народной сказки. Различия касаются прежде всего мотивировки испытания. В жарте действие развивается как конфликт между христианским монастырем и «нервным» правителем — султаном и завершается сентенцией-двустишием:

Господь всемогущий знает,
Чем верных своих защищает.

В Повести причина конфликта — царское самоуправство: царь от старости «быть в разуме неусовершен», и монастырь должен быть перенесен на новое место из-за его прихоти (изменение мотивировки сближает Повесть традициями плутовской новеллистики). В сказках, как правило, повод для испытания дается самим названием монастыря — «беспечальный» или «беззаботный», что и вызывает недоумение царя, так как «в монастыре должно заботиться».⁸ Объяснения такого названия монастыря в сказках разнообразны. Это или шутка одного из монахов, прибывшего гвоздями буквы на ворота,⁹ или решение монашеского собрания, поместившего

⁴ Единственным является и оформление этого цикла в рукописи: все три текста писец заключил в одинаковую рамку.

⁵ В состав этой рукописи 1730-х гг., писавшейся двумя писцами, кроме цикла повестей «о царях», входят два старообрядческих сочинения: статья о брадобритии и начало Жития Аввакума особой редакцией — редакцией Прянишниковского списка (см. о нем в кн.: Н. С. Демков. Житие протопопа Аввакума. Л., 1974, с. 128).

⁶ Переводные польские жарты получили распространение в русской письменности в конце XVII в.; рассказ о состязании царя и мельника составляет здесь отдельную главу (см., например, такие сборники в рукописях XVIII в.: сборник ГБЛ, ф. 299, № 562 «Польский забавный жарты, которые охотно читать, как играть в карты»); ГПБ, собр. Погодина, № 1777 (текст этого жарта, параллельный тексту «Повести о царе и мельнике», был указан одному из авторов В. П. Адриановой-Перетц); БАН, собр. Романчукова, № 63, и др.). В. Андерсон (с. 413—414) дает перевод жарта из сборника ГПБ на немецкий язык, считая, что немецкая *Sternenredaktion* возникла во второй половине XVII в. и через Польшу перешла в Россию (см.: A. B r ü k n e r. *Fascyse polskie z roku 1624*. Krakow, 1903; W. A n d e r s o n. *Kaiser und Abt*, S. 307—312).

⁷ См. указатель В. Я. Проппа в кн.: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. М., 1957, с. 484; Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова. М.—Л., 1961, № 15; Сказки Ленинградской области. Л., 1976, № 7. Иное название и другой вариант сюжета дают сказки, где действующее лицо — находчивый солдат, отгадывающий царские загадки.

⁸ Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова, с. 50.

⁹ Н. Е. О н ч у к о в. Северные сказки. СПб., 1908, с. 404.

объявление о наименовании монастыря «беззаботным» в «Русском слове».¹⁰ Часто с этим связана антиклерикальная окраска ряда народных сказок, которая отсутствует в повести.¹¹ Но при этом и повесть и жарт совпадают со сказкой в сюжетном отношении: оба текста содержат описание конфликта царя с монастырем, в обоих случаях монастырь спасает мудрый мельник, решивший царские загадки. Сходство сказок с публикуемым текстом не только в сюжете и социальном статусе героев (царь/султан—монах/архимандрит—мельник), но и в загадках, которые вполне традиционны: «Какова земная глубина?», «Близко ли небо от земли?», «О чем я думаю?».¹² В фольклорных сборниках встречаются также загадки «Сколько звезд на небе?» и «Сколько стоит царь?».¹³ Стиль повести ближе к сказке, чем стиль жарта, в нем видно сильное влияние устной речи — часто используются синонимические и тавтологические обороты: «быть некий монашеский монастырь», «место им нарек невдалеке, но вскоре», «и виде старцев сетующих и плачущих», «что у меня в мысли моей на уме теперь», «помышляеши и мысляши» и т. д. Введен в повесть диалог, драматизирующий действие, что также сближает стиль повести со сказочным. Усилено драматическое начало и при превращении мнимого старца в мельника, что напоминает превращение героя в волшебной сказке, и вводится специфической формулой («. . . и сверже с себя мантию и збросил клубок и камилавку, ударил о землю и стал в одном шюшпане»). Характерна для начальных формул сказочной прозы и неопределенность пространственно-временных ориентиров: «. . . в некоей дальней стране быть некоторый славный царь». Однако наряду с введением подобных конструкций, присущих языку фольклора, лексика подбирается книжная, что свидетельствует о специальном характере обработки, помещенной в рукописную книгу. Интересно, что сочетание книжного и фольклорного пластов стиля характерно и для «Повести о безумной жене», находящейся в рукописи рядом с «Повестью о царе и мельнике»: «Не в котором царстве быть некоторый царь благочестием сияющ. . . и по некоем времени. . .». Таким образом, мы можем считать публикуемую повесть литературной обработкой сюжета в его фольклорной версии.

Если рассматривать «Повесть о царе и мельнике» в ряду других письменных фиксаций-обработок народной сказки, то она оказывается одной из самых ранних. В известной книге Н. В. Новикова «Русские сказки в ранних записях и публикациях XVI—XVIII вв.» издана литературная переработка этой сказки в сборнике Евграфа Хомякова (1791 г.).¹⁴ Н. В. Новиков справедливо относит книгу Е. Хомякова «Забавный рассказчик» к литературным произведениям, в состав «которых народная сказка входила в несколько

¹⁰ Сказки и песни Вологодской области. Вологда, 1955, с. 71.

¹¹ См., например, сказку «Монастырь—пьяница» в кн.: Сказки Куприянихи. Воронеж, 1937, № 37, — или сказку «Беззаботный монастырь» в кн.: Сказки и песни Вологодской области, № 18.

¹² См.: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, № 326; Сборник великорусских сказок архива РГО, вып. I. Пг., 1917, № 20; Сказы и сказки Беломорья и Пинежья. Архангельск, 1941, № 61; Песни и сказки на Онежском заводе. Петрозаводск, 1937, № 276; Сказки Ф. П. Господарева. Петрозаводск, 1941, № 54; Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова, № 15, и т. д.

¹³ Русские сказки в ранних записях и публикациях XVI—XVIII вв. Л., 1971, № 41; Сказки и песни Вологодской области, № 18; Русская сказка. Избранные мастера. Л., 1932, № 39; Н. Е. О н ч у к о в. Северные сказки, № 164; Сказки Магая. Л., 1940, № 13; Сказки Куприянихи. Воронеж, 1937, № 37, и т. д.

¹⁴ Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI—XVIII вв.). Вступительная статья, подготовка текста и комментарий Н. В. Новикова. Л., 1971, с. 224—225 (в примеч. к сказке «Угадчик» на с. 297 Н. В. Новиков упоминает еще один текст XVIII в. из сборника «Спутник и собеседник веселых людей» (I, 9. М., 1773)).

переработанном виде».¹⁵ Действительно, обработка сказочного текста в сборнике в духе XVIII в. очевидна. В качестве действующих лиц здесь выступают король, испытывающий мудрость своих «придворных министров», и философ Гандан. Более пространна завязка повествования: не будучи в состоянии отгадать королевские загадки, министры советуют королю обратиться к философу Гандану, который едет в «загородный замок, дабы там с своими мыслями лучше мог посоветовать». Случайно приглашенный в гости мельником, Гандан открывает ему «из одного только любопытства» королевские загадки и далее вступает с ним в длительные прения о невозможности для мельника отгадать эти загадки, рационалистически это обосновывая. Только после этого происходит диалог перешедшего в одежду Гандана мельника с королем, из которого мельник выходит победителем, отгадав царские загадки. В «Повести о царе и мельнике» обработка фольклорного текста менее очевидна, текст заметно ближе к фольклорному источнику.

Таким образом, Повесть представляет собой любопытный факт жизни сюжета, интересный не только для изучения проблемы живого бытования фольклорной сказки до периода ее научного собирания, но и для понимания тех путей, которыми шло взаимодействие устных и письменных пластов культуры.

«Повесть о царе и мельнике» публикуется по рукописи ГПБ, собр. А. А. Титова, № 2670, л. 39—39 об., текст из сборника жарт — по лучшему списку ГБЛ, ф. 299, № 562, л. 126 об.—128.

I. [Повесть о царе и мельнике]

В некоей дальней стране бысть некоторый славный царь; прииде в старость, и бысть в разуме неусовершен. Имел свой царьской дом на горе над великою рекою — об ону страну, на другой же стране реки тоя бысть некий монашеский монастырь. Царь же по некоем времени преехав в той монастырь помолитися. И егда совершив молебная пения, и шед ко оной реце, и к дому своему мысляше преехати. Провождях его игумен з братиею. И рече им царь: «Трудно ми есть бывает чрез реку в сей монастырь прешествие, довлеет сему монастырю быти на оной же стране, моего дому близь на предивной высокой горе. Ныне же повелеваю вам той монастырь перенести и построить». Ту место им нарек невдале, но вскоре, и дав им в том сроку на малое время.

Старцы же со слезами молили царя, дабы им такое начинание отложил. Он же рече им: «Аще вы отгоните ми три загадки, то живите по-прежнему и изберите вы старца умнаго и пришлите ко мне загадки мои отгадать, и аз вас в том пожалую и велю быть по-прежнему, а теперь идите вспать».

И егда они возвратишася, велми о сем сетующе и плачущи, и в то время прииде в монастырь с мельницы их монастырской хухор, или по нашему дворник или мельник, весь в муке запылывся, во едином шущпане. И виде старцов, сетующих и плачущих, вопросы вины плача их. Они же ему поведаша все порядку. Он же рече им: «Престаните от плача и не тужите о сем много, || я иду за вас ко царю и те ево загадки отгадаю и устрою зде быти монастырю недвижиму. Только дайте ми надеть мантию и клябук, дабы аз был якобы монах монастырской».

И тако сотвори, и на срок пред царем ста, и рек ко царю: «Что твои, о царю, твои к нам, старцем, загадки? Аз их пришел отгадати». Тогда царь рек: «Скажи ми, старче, что имеетца земныя глубины?». Он же рек: «Велми глубока, царю, понеже отец мой и мати умроша, и в землю зарыты, и отуду не бывали, и тому 40 лет.» Рече же царь: «Может быти велия глубина. Скажи ми, старче, блиско ли небо от земли?». Он же рече: «Велми

¹⁵ Там же, с. 35—36.

блиско, понеже облачко мало только появитца на небе, тот час и дождь скоро пойдет». И рече царь: «Может быти блиско». Рече царь: «Скажи ми, старче, что у меня в мысли моей, на уме теперь?». Хухор рече: «Ты, царю, помышляеши и мыслиши, что я якобы старец того монастыря, а я не старец, но хухор с мельницы их, монастырский мельник». И то рек, и сверже с себя мантию, и збросил клябук и камилавку, ударил об землю, и стал в одном шюшпане, что бес вертитца, весь бел, в муке запущен.

Сему же царь подивися и воздаде ему честь велию, а монастырю повеле быти на прежнем месте, и даде ему царьскую о том грамоту, и утвердил быть во веки неподвижну. Аминь. ||

II. [Текст о султани и мельнике из «польских жарт»] О мельнике. 150

л. 126 об.

Селимус, салтан турецкий, зело прогневался на един греческой монастырь, в которой послал свой указ, чтоб архимандрит того монастыря дал на три вопроса салтанские ответ^а: первое, чтоб он || узнал, сколько на небе звезд; второе, чтоб оценил салтана, чего он стоит; третье, чтоб знать, что султан думает. И дал ему сроку на три дни, а в четвертой день, чтоб архимандрит к салтану приехал с ответом, а ежели таких ответов не привезет, то монастырь тот повелел раззорить.

л. 127

Архимандрит получил тот указ, зело опечалился, повелел собрать всю братию в совет, и много о том рассуждали и не могли совету сыскать, как им салтану ответствовать. И пошел архимандрит и з братиею в церкков и стали со слезами просить у бога, чтоб сердце салтанское отвратил от такового их напрасного погубления.

И по молитве пошел архимандрит в дом свой и на пути стретил его того монастыря мельник, которой всегда обращался во пьянстве. И пришед ко архимандриту рек: «Святый отец, к чему так ваше священство || печалны?». Он ему отвечает: «О неистове и пьяне! Как ты не боишься бога, так всегда пьешь? Уже мы все пропадаем». Мельник речет: «Повеждь ми, я буду твою печаль рассуждать». Архимандрит взял ево к себе и показал ему вопросы салтанские и сказал: «Ты ли, пьяной, на то даш совет?». Мельник рек: «Прикажете меня убрать в сан архимандритской, и пошлите меня к салтану, я буду отвечать». Архимандрит, хотя и сумневался, но не нашол другога совету, послал ево в своем уборе.

л. 127 об.

И когда тот мельник пред солтаном встал, султан предложил ему вопросы. Мельник сказал: «Чтоб узнать звезд число, того будет до вечера ожидать». И как вечер пришел, мельник вышел, долго на небо смотрел, аки бы считал, и пришел, ^бсказал салтану: «Я звезды^б все цел: их сто миллионов». Салтан сказал, что есть неправда. Мельник рек: «То есть случая правда, изволь послать^в и освидетельствовать^в || за мною. Салтану тот ответ зело полюбился. Салтан рек: «Оцени меня, ^вчего стою^ж». Он ему отвечал: «Господь наш Иисус Христос за тридесять сребрениц продан, а тебя можно за двадцать за пять». Салтан рек: «Что у меня на уме?». Он отвечал: «У вашего величества то на уме есть, что^г вы думаете, что теперь говорите с архимандритом греческим, токмо то неправда, вы теперьво говорить изволите со мною, пьяным мельником, разговаривать». Салтан зело дивился ево уму и уволил тот манастырь вечно быть в христианском законе.

л. 128

Господь всемогущий знает,
Чем верных своих защищает.^д

^а Испр., в рукописи отовет. ^{б-в} Вставлено над строкой. ^{г-д} Вставлено над строкой. ^{е-ж} Вставлено над строкой. ^з В квадратных скобках. ^и Исправлено над строкой, в строке очищает.